

ДНЕВНИКЪ

ПРЕБЫВАНІЯ

ЦАРЬ-ОБРОБОДТЕЛЯ

ВЪ ДУНАЙСКОЙ АРМІИ

ВЪ 1877 ГОДУ.

СОСТАВИЛЪ

Л. М. ЧИЧАГОВЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПЕЧАТАНО СЪ ВЫСОЧАЙШАГО РАЗРЪШЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., д. № 78.
1887.

ДНЕВНИКЪ

ПРЕБЫВАНІЯ

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

ВЪ ДУНАЙСКОЙ АРМІИ

ВЪ 1877 ГОДУ.

СОСТАВИЛЪ

Л. М. ЧИЧАГОВЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПЕЧАТАНО СЪ ВЫСОЧАЙШАГО РАЗРЪШЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., 78.

1887.

Екатери́нпільскій кан., д. № 78
2752.

На судъ справедливый, безстрашный и
правый,
На судъ предъ потомства лицомъ,
Предстанеть твой царственный Лигъ ве-
личавый,
Съ твоею бессмертной и чистою славой,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ.

N. N.

Задачу нашу мы считаемъ оконченною: дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 году—составленъ, или вѣрнѣе—созданъ, такъ какъ своевременно мало сдѣлано было къ сохраненію этихъ великихъ дней жизни Царя-Мученика въ памяти потомства и воспоминанія о нихъ наполняли лишь сердца немногихъ, ближайшихъ очевидцевъ событій.

На собраніе матеріаловъ, большею частію изустныхъ,—потребовалось до семи лѣтъ. Упоминаемъ здѣсь объ этихъ подробностяхъ и о нашемъ настойчивомъ трудѣ, единственно потому, что, завѣщая его потомству и будущимъ историкамъ царствованія Императора Александра II, обязанность наша сказать о томъ, какъ сложилась эта исторически-правдивая лѣтопись.

Принимая участіе въ прошлой турецкой кампаніи составитель дневника не могъ предполагать, что на его долю выпадетъ завидный жребій,—описывать дни пребыванія Императора въ Дунайской арміи. При Императорской Главной квартирѣ состоялъ съ этою цѣлію извѣстный и опытный въ литературномъ отношеніи покойный графъ В. А. Соллогубъ, на котораго до такой степени надѣялись, что почти никто изъ приближенныхъ Государя и лицъ Его свиты не велъ записокъ.

Въ 1879 году графъ Соллогубъ отпечаталъ свой трудъ, но онъ не сдѣлался общимъ достояніемъ, такъ какъ оказался безсодержательнымъ... Такимъ образомъ, графъ В. А. Соллогубъ не выполнилъ прямой своей задачи, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ, а также удручавшихъ его въ походѣ недуговъ и невозможности повсюду слѣдовать за Государемъ верхомъ на позиціи и въ госпиталяхъ.

Составитель этого дневника не могъ отрѣшиться отъ обиднаго чувства, что русскіе люди, какъ то вскользь, какъ-бы въ наброскахъ, ознакомились съ трудами, лишеніями и новыми доказательствами любви Великаго нашего Монарха къ своимъ подданнымъ. То, что сообщалось корреспондентами въ наши газеты, было до того кратко, что не восполняло и сотой доли правдиваго описанія страданій Царя-Мученика. Становилось страшно, что годы уходятъ и преданія о столь достопамятныхъ для русскаго народа восьми мѣсяцахъ жизни Царя-Освободителя могутъ постепенно утратиться. Въ рукахъ будущаго историка, въ видѣ матеріаловъ, могли остаться лишь оффиціальныя извѣстія, иллюстраціи и газетныя корреспонденціи....

Получивъ разрѣшеніе на означенный трудъ, составитель принялся за собираніе матеріаловъ къ описанію эпизода біографіи покойнаго Государя, за время пребыванія Его въ Болгаріи. Но какіе это были матеріалы и въ чемъ они заключались? Камеръ-фурьерскій дневникъ былъ безсодержателенъ, приближенные Императора, какъ мы уже говорили, записокъ своихъ не вели....

Оставалось еще одно средство,—обратиться къ лицамъ, занимавшихъ высшія должности въ бывшей Дунайской арміи, а также къ состоявшимъ въ свитѣ Его Величества, и записывать ихъ рассказы. Затѣмъ весьма скоро пришлось убѣдиться въ скудости свѣдѣній и составитель съ прискорбіемъ готовъ былъ отказаться

отъ мысли внести какую либо лепту своего труда въ это сердечное и святое дѣло.

Однако, съ помощью Божіею, число рассказовъ и сообщеній возрастало съ каждымъ мѣсяцемъ и въ 1884-мъ году книга приняла такой объемъ, что авторъ рѣшился ее представить на милостивое воззрѣніе Государя Императора.

Первое изданіе вышло въ свѣтъ 1-го марта 1885 года. ×
Въ предисловіи было оговорено, что трудъ этотъ далеко не вполне оконченъ и требуетъ дополненій; мы чисто-сердечно признались въ томъ, что многое сдѣлано, но еще не все..... Для того, чтобы достигнуть цѣли и правдиваго описанія всемірно - историческаго подвига Царя - Мученика, слѣдовало дать провѣрить дневникъ современникамъ и участникамъ войны, разсѣяннымъ по всей Россіи. Только по отпечатаніи перваго изданія можно было надѣяться получить дополненія и поправки.

Первое изданіе невольно приняло извѣстный, одно-сторонній оттѣнокъ, явившійся вслѣдствіе имѣвшагося подъ рукою матеріала, а именно дневника флигель-адъютанта штабсъ-капитана Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Поливанова, состоявшаго при ротѣ почетнаго конвоя Императора; въ книгѣ замѣтны были по- X
дробности жизни конвойныхъ офицеровъ, стоявшихъ столь близко къ покойному Государю, и мало говорилось объ арміи, ея начальникахъ, офицерахъ и дѣйствіяхъ. Но, повторяемъ, это было естественнымъ послѣдствіемъ скудости матеріаловъ.

Цѣль отпечатанія перваго изданія—быстро оправдалась. Со всѣхъ концовъ Россіи стали стекаться желаемыя свѣдѣнія и послѣ разсылки особыхъ печатанныхъ писемъ, въ количествѣ двухъ тысячъ, во всѣ полки, батареи, госпитали и военныя учрежденія, явилась возможность приступить къ окончательной обработкѣ дневника и при сознаніи, что больше матеріаловъ добыть невозможно.

Теперь считаемъ нашу задачу—оконченной. Мы не задавались цѣлю блеснуть краснорѣчіемъ или при помощи этой книги пріобрѣсти литературную извѣстность. Личность того человѣка, о Которомъ мы пишемъ, слишкомъ священна и могущественна, а дѣянія Его слишкомъ величественны, чтобы можно было говорить хладнокровно, рассчитывая на краснорѣчіе. Рѣчь наша исходила изъ глубины сердца и такъ какъ рассказъ исторически вѣренъ, то онъ и простъ.

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ отъ всей души поблагодарить тѣхъ лицъ, которыя сердечнымъ отношеніемъ своимъ къ нашему труду, а также словомъ и дѣломъ, помогли намъ докончить созданіе Дневника пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи. Имена ихъ встрѣчаются въ самой книгѣ и съ вѣками перейдутъ на страницы исторіи.

↓

Печатанными источниками намъ служили также:

1) Корреспонденціи въ Правительственный Вѣстникъ подполковника В. Крестовскаго.

2) Сборникъ военныхъ разсказовъ князя Мещерскаго.

3) Брошюра генерала Богдановича: — «Гвардія на Софійскомъ шоссе».

4) Статьи генерала Куропаткина въ Военномъ Сборникѣ 1881—1885 гг. «Ловча, Плевна и Шейново».

5) Статья В. А. Экстена въ Военномъ Сборникѣ 1881 г. № 10—«Изъ воспоминаній о дѣйствіяхъ артиллеріи подъ Плевной».

6) Статьи полковника фонъ-Фока въ Военномъ Сборникѣ 1883—1885 гг. — «Матеріалы для описанія дѣйствій Руцукскаго отряда».

7) «Годъ войны» книга Немировича-Данченко. 2 тома, изданіе 2-е.

✓ 8) Реляціи и донесенія начальниковъ отрядовъ Главнокомандующему.

Леонидъ Чичаговъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Онъ на чредѣ высокой не забылъ
Святѣйшаго изъ званій:—человѣкъ!»

Война съ Турціей въ 1877 году—была историческою необходимостью, а сознательное отношеніе къ ней народа сдѣлало ее неизбѣжною.

Природный, историческій инстинктъ, многія вѣка уже двигалъ впередъ восточный вопросъ къ роковому рѣшенію и, начиная съ Петра Великаго, всѣ Русскіе, обще-Славянскіе Императоры слѣдовали завѣту царя Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ. Но при такихъ-ли условіяхъ происходили прежде войны, какъ началась кампанія 1877 года?

До воцаренія Императора Александра II, закрѣпощенный, русскій народъ, угнетенный не менѣе братьевъ-славянъ, — шелъ на войну, готовый безсознательно жертвовать собою изъ покорности и повиновенія Царю. Глубоко вѣруя въ Милосердіе Божіе, онъ покорствовалъ волѣ Правительства, заботясь лишь о честномъ исполненіи долга службы. Онъ, такъ сказать, собирався подъ одно знамя, но не былъ единъ самъ по себѣ. Почву для такого единства приготовили Россіи великія реформы Императора Александра Николаевича.

Съ уничтоженіемъ рабства, двадцать милліоновъ человѣкъ слились въ одно цѣлое; лишь съ этой минуты они сознали и почувствовали, что составляютъ одну семью, государство, — Россію и на нихъ ложится долгъ и полная отвѣтственность.

Лишь только дошли до народа слухи о турецких звѣрствахъ и страданіяхъ братьевъ христіанъ, какъ онъ самъ пошелъ навстрѣчу историческимъ событіямъ, ходъ которыхъ не можетъ остановить никакая власть, никакая сила. Вѣруя по прежнему въ помазанника Божьяго, народъ жилъ въ убѣжденіи, что «Царская совѣсть не можетъ разнить съ совѣстью народною и что жертва, угодная Богу, никогда не сдѣлается не угодною верховному народному вождю».

Правъ былъ покойный И. С. Аксаковъ говоря, что никогда духъ народный не являлъ такой высоты подъема, какъ передъ послѣдней турецкой войной!

«Настоящая война», сказалъ этотъ истинно русскій чело-вѣкъ,—«дѣло не только чести, но что всего важнѣе, и совѣсти народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ его на брань; она-то творить это дивное священнодѣйствіе сердець, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ, на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли. Эта война ея духу нужна; эта война за вѣру Христову; за освобожденіе пора-божденныхъ и угнетенныхъ; эта война праведная, эта война подвигъ святой, великій, котораго сподобляетъ Господь Святую Русь».

Истинная цѣль русскаго народа была также свята, какъ и онъ самъ и на этотъ разъ впервые, свободный духомъ и разумомъ, онъ высказался... Онъ кинулся на защиту своихъ братьевъ, съ тою духовною готовностью, о которой Хомяковъ въ 1854 году лишь мечталъ...

О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Ступай на божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди, тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди, свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ — любовь, въ десницѣ — громъ,
Грозна, прекрасна, Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ мечомъ!»

Ни Царь-Освободитель, ни русскій народъ, ни враги ихъ, не могли отсрочить войны, такъ какъ ходъ событій и исторія никого не ждетъ... Вопреки представленіямъ Россіи и требованіямъ прекращенія неистовствъ, звѣрствъ и бѣшенства турокъ, Порты не унималась, и нѣкоторые сосѣди наши снабжали ее деньгами и оружіемъ для лучшаго и скорѣйшаго истребленія такихъ-же христіанъ, какъ и они сами. Сила вещей требовала, чтобы торжество братской полноправности, свободы и разума,—сдѣлалось торжествомъ Россіи!

«Всѣ роды мукъ и бѣдъ, говорилось въ воззваніи Московскаго Славянскаго Комитета ¹⁾), обрушены нынѣ на безоружное болгарское населеніе разсвирѣпѣвшимъ изувѣрствомъ азіатской орды, сидящей на развалинахъ древняго, великаго православнаго царства и другихъ православныхъ славянскихъ державъ. Нѣкогда обузданная русскими государями, но затѣмъ, изъ зависти къ Россіи и ненависти къ Славянству, вновь возвеличенная совокупными усиліями всей Западной Европы; введенная ею въ семью христіанскихъ государствъ, размалеванная ею румянами и бѣлилами европейской цивилизаціи, эта орда, эта Турція, это чудовищное зло и чудовищная ложь замышляетъ теперь на глазахъ всей Европы растоптать болгарское племя и сломить въ своихъ предѣлахъ послѣдній оплотъ славянской народности—Сербію и Черногорію. Но чаша долготерпѣнія, даже славянскаго, переполнилась».

¹⁾ Воззваніе 1876 года—принадлежатъ перу И. С. Аксакова.

«То, что для народа», говорилъ И. С. Аксаковъ,» въ его личномъ сознаніи, представлялось нравственнымъ непреложнымъ долгомъ, то было въ то же время и историческою миссіею Россіи, какъ главы и представительницы цѣлаго особаго міра, Православнаго и Славянскаго, еще недосозданнаго, но созидаемаго, ожидающаго отъ будущихъ временъ своей конкретной исторической формы. Все значеніе Россіи во вселенной заключается въ ея религіозной и народной особенностях, соединенной съ внѣшнею матеріальною силою, — въ ея духовныхъ стихіяхъ, отличныхъ отъ стихій Западной Европы, въ ея Православіи и Славянствѣ. Она не можетъ достигнуть полноты своего развитія, не доставивъ торжества этимъ духовнымъ стихіямъ въ исконныхъ мѣстахъ ихъ пребыванія, не возстановивъ полноправности, хотя-бы общечеловѣческой, братской по крови и духу племенъ. Безъ возстановленія этой полноправности и безъ освобожденія Православнаго Востока отъ турецкаго ига, отъ матеріальныхъ и духовныхъ захватовъ Запада, Россія какъ организмъ, лишенный свободнаго кровотока, осуждена была-бы навсегда остаться увѣчною, калѣкою, недоноскомъ. Война явилась для нея такою-же необходимостью какъ самооборона, или иначе: какъ естественное продолженіе ея развитія, ея роста, какъ процессъ исторической формаціи».

Итакъ, повторяемъ, сознательное отношеніе свободнаго русскаго народа къ этой войнѣ — сдѣлало ее неизбежною. Но можно-ли было мечтать, что она послѣдняя за свободу славянъ и что намъ посчастливится однимъ ударомъ выбросить турокъ (населяющихъ пространство отъ Дуная до Мраморнаго, Средиземнаго и Чернаго морей) изъ Европы...

Въ столь великую историческую эпоху самосознанія народа, во главѣ его стоялъ Царь Освободитель, особенно дорогой русскому сердцу. Онъ своими дѣяніями доказалъ всему свѣту, что сохранилъ въ себѣ святость званія—человѣка! Но, вообще, останавливались-ли мы когда нибудь нашею праздною мыслию на чувствахъ того именно человѣка, который несетъ на себѣ

отвѣтственность за судьбы Государства, дѣйствуетъ предъ лицомъ исторіи и долженъ въ моментъ объявленія войны произнести приговоръ надъ сотнею тысячъ людей. Не представляемъ-ли мы себѣ всегда въ лицѣ Монарха или Правительства одну только воплощенную историческую идею, не имѣющую будто-бы своего сердца, не вѣдающую радостей, незнакомую съ горечью слезъ человѣческихъ и страданіями матерей, лишенныхъ своихъ сыновъ, вдовъ — потерявшихъ мужей и сиротъ, оставшихся безъ средства и поддержки; идею—пользующуюся лишь своимъ правомъ, а иногда и обязанностію обречать подданныхъ преждевременной смерти, лишеніямъ и мукамъ?!

Загляните въ тетради нашихъ поэтовъ; воспѣвали-ли они чувства Царей, ихъ страданія, вникли-ли они въ трагизмъ положенія Монарха, вытекающій изъ обязанности его подписать исторіи роковой актъ, благодаря которому должны пролиться потоки невинной и дорогой ему крови.

Справедливо замѣтилъ одинъ историкъ ¹⁾:

«Наши художники, поспѣшившіе занести на свои неизмѣримые холсты всѣ ужасы, всю грязь и всю кровь этой великой войны (1877 года), не нашли ни красокъ на своихъ палитрахъ, ни умиленія въ своихъ сердцахъ, чтобы воплотить въ живомъ образѣ полугодовую страду великаго страдальца за свой народъ и за свое войско, совершавшуюся то въ госпитальныхъ шатрахъ, то подъ крышею порахимской хижины, то въ убогихъ церквахъ болгарскихъ деревушекъ! Эти бѣдныя мыслями, хотя и перворазрядные маляры, очевидно, не понимаютъ мукъ безъ крови, не видятъ страданій тамъ, гдѣ никто не кричитъ, никто не щеголяетъ ранами и не симфонируетъ стономъ. Величіе страданій безъ словъ для нихъ непонятно, стоновъ въ молчаніи они не слышатъ, ну, а такіе люди, какого человѣчество потеряло въ лицѣ Алек-

¹⁾ См. статью по поводу перваго изданія нашего «Дневника» въ Историческомъ Вѣстникѣ 1885 г., № 4, стр. 172.

сандра II, не говорятъ, когда плачутъ, и не плачутъ, когда говорятъ!»

Если день 17-го апрѣля 1877 года — объявленія войны И. С. Аксаковъ называлъ желаннымъ и призываемымъ мигомъ, выстрадавшимъ милліонами сердець, то въ дѣйствительности могли-ли страданія народа быть больше мукъ Царя, желавшаго сберечь дорогую кровь своихъ богатырей, жаждавшихъ борьбы и котораго личныя симпатіи клонились въ пользу сохраненія мира!

Страданія народа начались лишь со дня первой битвы, а душевныя муки Царя съ этого момента удесятирились.

Для Императора Александра Николаевича было слишкомъ мучительно оставаться въ столицѣ, на окраинѣ Россіи, гдѣ дѣятельность какъ-бы замерла, въ то время, когда всѣми помыслами Онъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ сосредоточились всѣ силы и интересы государства. Ежедневныя ожиданія извѣстій и донесеній, безконечно напряженное состояніе, отнимали-бы покой и могли вредно повліять на здоровье Императора. Наконецъ, жить въ разобщеніи со своимъ народомъ, пользоваться благами и удобствами жизни, когда всѣ претерпѣваютъ лишенія; радоваться вдали отъ героевъ торжества, горевать—въ одиночествѣ, все это не соответствовало характеру Государя. Онъ слишкомъ жилъ сердцемъ, чтобы думать о Себѣ... Дѣлать съ войсками и радости, и горе, все, что ни предназначила-бы имъ судьба,—это сдѣлалось потребностью великой души Государя.

Невозможно сравнивать войну на турецкой территоріи, — съ войнами въ просвѣщенныхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются города и села, соединенныя превосходными дорогами; гдѣ цвѣтущая промышленность и торговля даютъ всѣ средства къ существованію, гдѣ безъ всякаго затрудненія обрѣтаются удобныя жилища для ночлега. Прусская армія въ 1870 году квартировала въ деревняхъ, не имѣя понятія о долгихъ стоянкахъ на бивуакахъ; раненые помѣщались въ роскошныхъ зданіяхъ и доставлялись на другой или третій день на родину; могъ-ли рож-

даться вопросъ гдѣ отвести квартиру Королю, будетъ-ли онъ защищенъ отъ холода и непогоды?

Наша армія должна была дѣйствовать въ раззоренной мѣстности, вообще мало населенной, гдѣ не существовало ни торговли, ни промышленности. Отсутствіе жизни, признаковъ цивилизаціи, ставили войска въ безвыходное положеніе. Последнія событія превратили страну, богатую природой,—въ пустыню, гдѣ башибузуки истребили цѣлыя деревни, перерѣзавъ и разогнавъ жителей, не оставивъ камня на камнѣ. Въ Болгаріи царилъ одинъ ужасъ! Слѣдовательно Государю предстояло жить наравнѣ со всѣми, подъ открытымъ небомъ, въ палаткѣ или въ полуразрушенныхъ мазанкахъ.

Эта поѣздка Императора не могла походить на пребываніе Государя Александра Павловича въ арміи въ 1814—15 годахъ. Его Величество ѣхалъ также и съ совершенно иною цѣлію...

Задача его не была—стать во главѣ побѣдоносной арміи и руководить ея дѣйствіями, чтобы пріобрѣсти лавры — военачальника или насладиться собственною славою, являясь при вѣздахъ въ большіе города и даруя имъ жизнь и свободу. Нѣтъ, все это Онъ предоставилъ своему Брату—главнокомандующему и доблестнымъ войскамъ. Не въ томъ заключалась цѣль Царя-страстотерпца, совершившаго такъ много великаго, плодотворнаго для Россіи и Его народа, который цѣлыя вѣка не имѣлъ ни воли, ни суда, ни правъ человѣческихъ. Заботясь обо всѣхъ—какъ отецъ, руководствуясь одною любовью къ дѣтямъ и весь принадлежа имъ, Онъ могъ быть счастливъ,—только счастіемъ Своего народа. Но оно всегда зависитъ отъ самопожертвованія Царя и какъ соблювшій въ Самодержцѣ святую простоту человѣческаго сердца, Императоръ стремился теперь стать *не во главѣ* своего могучаго и воодушевившагося народа, гдѣ было довольно начальниковъ и руководителей, а за нимъ, дабы принимать въ свои объятія героевъ-раненыхъ, покидающихъ позиціи съ разбитымъ сердцемъ и падающихъ духомъ, въ виду испытываемыхъ ими страданій. Онъ хотѣлъ также быть свидѣтелемъ радостей войскъ, когда